

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>

Юсупов Айрат Фаикович, Юсупова Нурфия Марсовна

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена изучению лингвостилистических особенностей татарской поэзии первой половины XX века и выявлению стилеобразующих свойств поэтических антропонимов и топонимов в языке художественных произведений; в ней раскрываются художественно-эстетические особенности и семантика ономастических единиц в языке поэтических текстов. Утверждается, что в антропонимической системе татарской поэзии первой половины XX века доминируют имена собственные, а фамилии и прозвища употребляются в тесной связи с идейно-тематической установкой того или иного произведения. В результате исследования выделяются основные функции поэтонимов в поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 261-264. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'38; 801.6

Дата поступления рукописи: 23.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>

Статья посвящена изучению лингвостилистических особенностей татарской поэзии первой половины XX века и выявлению стилеобразующих свойств поэтических антропонимов и топонимов в языке художественных произведений; в ней раскрываются художественно-эстетические особенности и семантика ономастических единиц в языке поэтических текстов. Утверждается, что в антропонимической системе татарской поэзии первой половины XX века доминируют имена собственные, а фамилии и прозвища употребляются в тесной связи с идейно-тематической установкой того или иного произведения. В результате исследования выделяются основные функции поэтонимов в поэзии.

Ключевые слова и фразы: антропоним; топоним; лингвостилистика; поэтическая ономастика; поэтическая антропонимия; поэтическая топонимия.

Юсупов Айрат Фаикович, к. филол. н., доцент

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

faikovich@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160008.*

В истории тюрко-татарской литературы поэзия занимает особенное место, поэтому перемены, происходящие в литературном процессе, в первую очередь находят отражение в поэтических произведениях. Эти перемены, «диахронические трансформации образов открыто утверждают об изменениях в художественном мышлении» [9, с. 227]. Наряду с этим, поэтические произведения дают возможность отчетливо увидеть изменения, происходящие в истории языка. Как уже известно, с одной стороны, «язык поэтического текста имеет систему образных форм, выражаемую языковыми и экстралингвистическими средствами, в нем проявляется бесконечное обновление стилистической и образной структуры поэтического произведения. Именно поэтический язык сохраняет стилистические богатства национального литературного языка и всемерно обогащает и обновляет его» [8, с. 290]. С другой стороны, «к началу XX века сформируется татарский литературный язык» [10, с. 230], и наблюдается переход от литературных норм тюрки к национальным литературным нормам, что «повлияет на стилистическое и жанровое обогащение художественной литературы, на формирование функциональных стилей» [7, б. 196]. В данном ключе поэтические произведения представляют интерес для изучения особенностей использования лингвистических единиц, специфики отбора автором языковых и стилистических средств.

В этой связи изучение языка татарской поэзии первой половины XX века, в частности, специфики использования в нем ономастических единиц, выполняемых ими функций, является одной из важнейших отраслей татарского языкознания. Необходимость изучения поэтической ономастики как целостной подсистемы языка и выявление её лингвостилистических особенностей определяют **актуальность** настоящего исследования. В данном аспекте **целью** статьи являются выявление стилеобразующих свойств поэтических антропонимов и топонимов и изучение их лингвостилистических особенностей на материале татарской поэзии первой половины XX века. Научная **новизна** статьи определяется новым подходом к изучению антропонимов и топонимов – описанием закономерностей функционирования ономастических единиц в структуре поэтических произведений.

В языке татарской поэзии исследуемого периода частотой использования среди ономастических единиц особенно отличаются антропонимы. Как известно, выбор имени лирического героя находится в тесной связи с жанром произведения и его художественно-эстетической ценностью. В ткани произведения имя собственное, выполняя стилистические, общественно-идеологические, эстетические и психологические функции, превращается в характеристику лирического героя.

В языке поэзии начала XX века среди антропонимов преобладают те, которые имеют арабо-персидские корни. Например: *Эй син, Габдулла! / Мөселман булсаң, уйлама юкны* [2, б. 24-25]! / Эй, ты, Габдулла! / Если ты мусульманин, не думай о плохом! (здесь и далее перевод авторов статьи. – А. Ю., Н. Ю.). Габдулла – по происхождению двухкомпонентное арабское слово (*габде* – *раб*, *-улла* – *Аллах*), используется в смысле «Аллаһ колы» («Раб Божий»). Антропонимы, созданные на основе исламской философии и восточных культурных традиций, часто использовались в произведениях Г. Тукая, С. Рамиева, Дэрдменда, Ш. Бабича. Например: *Сөләйман жиңә, Бәлкыйс аягы, / Мисыръның тәңресен – Муса таягы* [Там же, б. 158]. / Сражен Сулейман ножкою Балхис, / Бог египтян – посохом Мусы. *Сулейман, Муса* – антропонимы арабского происхождения, имена пророков. Они присутствуют в Коране среди других 25 пророков. Согласно религиозному учению Муса и Сулейман были посланы народу Израиля [1].

Следует отметить: в языке произведений, созданных после революции 1917 года, наблюдается пассивность в плане образования антропонимов, касающихся постулатов ислама, и наоборот, происходит активация

создания тюрко-татарских имен светского характера, чаще начинают использоваться литературные антропонимы, образованные на основе русской и интернациональной лексики. Например: *Салкын карга басып Алсу килә: / Үзе көлә, / Үзе сөйкемле, / Үзе усал, / Үзе болай бер дә / усал түгел кебек ишкелле* [4, б. 321]... / По холодному снегу идет Алсу: / Сама смеется, / Сама мила, / Сама озорная, / А так вроде кажется, что не так уж и озорная... *Алсу* – двухкомпонентный антропоним тюрко-татарского происхождения, созданный при слиянии компонентов *ал* + *-су*.

Антропонимические единицы в поэтических произведениях используются в составе идеонимов – собственных имен и названий в произведениях художественной литературы и искусства. Как известно, ономастикон литературного произведения представляет собой систему взаимосвязанных и взаимоопределяющих элементов. Название литературного произведения превращается в важный свод, отражающий мировоззрение автора, определяющий такие свойства, как адекватность и типичность средств образительности, своеобразие созданной в произведении действительности. В то же время свойства слов, выбранных для названия произведения, без литературного творчества не могут раскрыться. Идеоним в художественную речь привносит лексические, грамматические, структурные и др. свойства, характерные для языка. Но, став элементом литературного произведения, он обогащается новыми, доселе не раскрытыми свойствами.

В исследуемых поэтических произведениях антропонимы часто входят в состав идеонимов, или название произведения может состоять только из имени собственного. Например: С. Рамиев «Лермонтов шигърьләреннән парчалар» («Отрывки из произведений Лермонтова», 1914), Ш. Бабич «Габдулла эфәнде Тукаев» («Габдулла Тукаев», 1911), Х. Такташ «Әүхәди» («Аухади», 1924) и др. В отдельных случаях в название произведения выносятся фамилии. Например, Х. Туфан «Бибиевләр» («Бибиевы», 1927). В составе идеонимов часто встречаются и женские имена. Например: Ш. Бабич «Сажидәгә» («Саджиде», 1916); Х. Такташ «Хәнифә Такташевага» («Ханифе Такташевой», 1926), «Ләйлә» («Ляйля», 1927), «Алсу» («Алсу», 1928); Х. Туфан «Ландыш» («Ландыш», 1956), «Гүзәл» («Гузель», 1957) и др.

Как видно из примеров, в языке поэзии широко используются разнотипные по способу образования идеонимы. Среди зафиксированных идеонимов часто встречаются названия произведений, основанные на одиночных антропонимах, а также принявшие форму направительного падежа и выраженные в виде обращения. «Идеонимы, в основе которых лежит предложение, способны, воплотив в себе главную идею произведения, подвести к выводам. Нередко данный тип идеонимов играет роль психологического ключа, помогающего понять содержание произведения» [5, б. 478-479].

При сравнении с другими видами названий идеонимы, в основе которых лежит предложение, составляют меньшинство: Ш. Бабич «Тукай үлгәч» («Когда умер Тукай», 1913), Х. Такташ «Такташ үлде» («Такташ умер», 1923), Х. Туфан «Без Жәлилгә бардык» («Мы ходили к Джалилю», 1956) и др.

В примерах из татарской поэзии исследуемого периода среди литературных антропонимов использование фамилий достаточно ограничено, они, как правило, встречаются в произведениях, посвященных отдельным историческим личностям, и при описании известных людей. Например: *Безнең теләк сезнең ялага: / Төкерәбез сезнең Кутеповтай, Керенскийдәй шайтан-шабага* [4, б. 352]!! / Наши слова в ответ на вашу клевету: / Плевали мы на чертовщину вроде ваших Кутеповых и Керенских!! В языке произведений имена и фамилии поэтических героев часто выступают в сильной позиции – выносятся в название произведения. С таким примером мы встречаемся в упомянутой выше поэме Х. Туфана «Бибиевләр» («Бибиевы»). Этот прием помогает поэту заострить внимание читателя на этих героях. И авторская идея находится в тесной связи с этим приемом.

Исследования показывают, что в поэзии фамилии и имена видных для того времени людей особенно часто повторяются в произведениях на политическую тему. Много примеров литературных антропонимов такого рода можно было бы привести из творчества Х. Такташа. Например, поэт, описывая политику того времени, использует антропоним Чемберлен в нескольких произведениях: «Нәни разбойник» («Маленький разбойник», 1926), «Лорд Чемберленга СССР крестьяны һади Такташтан жавап нотасы» («Ответная нота крестьянина из СССР Хади Такташа лорду Чемберлену», 1927), «Ләйлә» («Ляйля», 1927), «Тагын казлар турында» («Опять о гусях», 1927), «Мулла Чемберлен» («Мулла Чемберлен», 1929) и др.

Часть литературных антропонимов, представленных в языке поэзии, составляют имена видных представителей татарского народа, фамилии известных писателей. Например: Кави – Кави Наджми (н. Такташ «...Пи-би-би-бип...», 1926; «Кави әкиятә» / «Сказка Кави», 1928); Кари – Габдулла Кариев (н. Такташ «Карт артист» / «Старый артист», 1924); Тукай – Габдулла Тукай (Х. Туфан «Бездән дә сәлам» / «И от нас привет», 1937-1967; «Тукай тавышын эзләгәндә» / «В поисках голоса Тукая», 1953); Хади – Х. Такташ (Х. Туфан «Бездән дә сәлам» / «И от нас привет», 1937-1967; «Сабый чакта, һади, арабызны...» / «В детстве, Хади...»), Джалиль – М. Джалиль (Х. Туфан «Без Жәлилгә бардык» / «Мы к Джалилю ходили», 1956) и др.

Среди использованных в поэтическом языке литературных антропонимов особое место занимают прозвища (тат. «кушамат»). Как известно, прозвище дополняет отдельными сведениями официальное имя человека. Если имени, отчеству и фамилии не свойственны образные эмоционально-экспрессивные оттенки, то прозвище придает смысл, обладающий коннотативным, эмоционально-экспрессивным оттенком. «Прозвище – неофициальное имя, данное кому-либо обществом или отдельным человеком, с целью обозначения его характерных качеств и определения места в обществе» [5, б. 103]. Для прозвищ свойственны оттенки эмоционально-экспрессивной оценки, поэтому они выигрышно используются авторами в поэтических произведениях. Писатели удачно используют прозвища и при описании лирического героя, в данной ему характеристике, помимо этого прозвища используются и в целях придания выразительности всей ткани произведения.

«В татарской литературе писатели личное прозвище используют как отдельный литературный прием, и в литературных произведениях можно встретить немало примеров красивых образцов, которые поясняют причины и мотивы их использования» [Там же, б. 108]. В татарской поэзии исследуемого периода прозвища особенно часто встречаются в произведениях Х. Такташа и Х. Туфана. Одно из самых известных прозвищ в литературе – Мокамай / Мукамай – усеченный вариант имени *Мөхәммәтҗан* / *Мухамметзян*, известный как личное прозвище. Например: *Кара чәчле, коңгырт кара күзле, / Кәкре аяклы дустым, жанкисәгем, / Ул, Мокамай бәгърем, син идең* [4, б. 316]... / Черноволосяй, / черноглазый, / Кривоногий, друг мой, душа моя, / то, Мукамай, душа моя, был ты... Обращаясь в лирическом произведении к лирическому герою, автор упоминает и его настоящее имя: *Ләкин минем бурчым, Мөхәммәтҗан, / Йолу синең яман атыңны* [Там же]! / Но моя задача, Мухамметзян, / Спасти твое доброе имя!

И в поэмах Х. Туфана бросается в глаза активное использование прозвищ. В одной лишь поэме «Бибиевы» (1927) встречается несколько прозвищ: от имени Степан образованы *Ычмый – Чапый – Чапай*, от имени *Ибраһим / Ибрагим – Ибрай*. Например: *Ә Чапый абый / Наман элеккечә: / Ышанычлы, / Тыныч, / Ашыгусыз* [6, б. 108]. / А Чапый-абый / Все по-прежнему: / Надежный, / Спокойный, / Неспешный.

В поэтическом языке прозвище может быть и названием произведения. Так, поэма Х. Туфана «Зәңгәр бүре» («Голубой волк», 1925) является примером использования прозвища в качестве идеонима. «Зәңгәр бүре» / «Голубой волк» (настоящее имя Галимджан) – личное прозвище, возникшее на основе сходства духовных и физических свойств человека с животным. Вследствие того, что для таких прозвищ характерны оттенки эмоционально-экспрессивной оценки, они в литературные произведения вводятся с целью придания героям определенной характеристики, для более полного раскрытия их личных качеств, являются средством наращивания эмоциональности. Например: *Зәңгәр Бүре диләр малайлар. / Башында – оя бурек. / Аның күз турысын / Күсе кимергән. / Күлмәк-ыштан – бар да әтинеке, / Бот төбенә житкән итеклар. / Козгын төсле / Күе каралыктан / Тәне аның зәңгәр күренә. / Ирене көлә, / Ләкин кырыс күзләр / Иярмиләр бер дә иренгә. <...> Чыпта корган алма яцигында / Зәңгәр Бүре яши – «атаман»* [Там же, б. 30-31]. / Голубым Волком называют мальчишки. / На голове – шапка, как гнездо, / Которое погрызла крыса. / Рубашка-штаны – все отцовское, / В валенках можно утонуть. / Как ворон, / Из густой черноты / Его тело кажется голубым. / Губы улыбаются, / Но суровы глаза, / Никак не сочетаются с губами. <...> В ящике из-под яблок, обтянутым рожей, / Живет Голубой Волк – «атаман».

Топонимы составляют основную часть ономастической лексики, и главная роль, которую они выполняют в обществе, – это ориентация в безграничном пространстве и приведение в соответствие географических объектов. Используемые в художественном произведении географические термины – это важный, незаменимый компонент стиля произведения. Данная поэтическая категория, как и литературные антропонимы, характеризуется многофункциональностью. В частности, помимо того, что они являются средствами номинации индивидуальных географических объектов, они обладают возможностью создания точной локальной ориентации событий, о которых идет речь в произведении, и отражения эмоционально-эстетического отношения героев произведения к этим местам.

Как показали исследования, довольно значительную часть ономастических единиц в татарском поэтическом языке занимает топонимическая лексика. Топонимы, использованные в языке художественной литературы, помимо своих основных номинативных значений, обогащаются дополнительными смыслами. Они же, с одной стороны, бывают связаны с ассоциативной основой, с другой – с эмоциональной оценкой писателя, с его мировоззрением.

Топоним «Казан» используется в значении названия определенного места, нейтрального по смыслу – города Казани. Например: *Гали зат Габдулланьң хәзер Казанда мәскәте* [3, б. 168]. / В данный момент местожительство Габдуллы – Казань.

В поэтических текстах различных авторов топонимы могут выполнять и большинство других функций. Например: *Километр саен ераклаша / Озатып калган Казан тойгысы* [6, б. 52]. / С каждым километром отделяется от нас Казань. Как видно из этого отрывка, топоним «Казан» в данном случае выражает понятие «место рождения».

Такое же изменение смысла мы наблюдаем в стихотворении Ш. Бабича «Менә эле генә Каф тавыннан...» («Только что из горы Каф...», 1916): если в первом примере топоним использован в номинативном значении, то во втором отрывке наблюдается символическое смещение, связанное с мыслью, которую хотел донести автор. *Менә эле генә Каф тавыннан / Жән дөнъясын иттем тамаша* [3, б. 193]!.. / Только что из горы Каф / посмотрел свадьбу джинов!.. Здесь топоним *Каф тавы* (гора Каф) использован в прямом смысле. *Мин дә шулай нигә әҗен булмадым?.. / Ник тумадым Кафтау артында* [Там же]? / Почему же я не джин?.. / Почему же не родился за горами Каф? Во втором примере топоним приобретает эмоционально-экспрессивную окраску и выражает понятие «очень далеко».

Использование литературных топонимов в поэтическом языке оправдано и в историческом плане. Писатели в свои произведения вводят топонимы, исходя из поставленных целей и задач, идеи произведения. Будучи использованными в целях привнесения дополнительных исторических сведений об эпохе / времени и месте, топонимы в произведениях представляют собой и хронотоп. Например: *Идел. / Аннан берәз бире / Сузылып ята баткак Бакалтай. / Шул якта ул / Арык, ябык өйле / Казан кызы – үге Бишбалта* [6, б. 28]. / Волга. / Рядом с ней / просторный Бакалтай. / На той же стороне / часть Казани / – Бишбалта. В этом

небольшом отрывке топонимы *Идел, Бакалтай, Казан, Бишбалта*, следуя один за другим, дают дополнительную информацию о месте и времени событий, описанных в произведении.

В поэтических текстах литературные топонимы, наряду с описанием исторического времени и места, используются и в целях усиления художественности и обогащения содержания: *Белмим, / Әллә күпкә, / Әллә бик озакка, / Ахры, мәңге онта алмамын / Тамбов урманнары уртасында / Усак яфраклары шаулавын* [4, б. 315]. / *Не знаю, / Сколькo времени, / Должно быть, / Вовеки не смогу я позабыть / О том, как шелестит в лесах тамбовских / Листва осин* (перевод Л. Мартынова. – А. Ю., Н. Ю.).

Большинство топонимов в литературных текстах выполняет номинативную функцию, привязывая героя произведения к историческому месту и времени, они создают художественную картину. Например: *Син каенга менсәң Сыркылыда, / Мин талларга мендем Кармәттә* [6, б. 347]. / *Если ты лазал на березу в Сыркыле, / Я лазал на ивы в Кармате*. Здесь в завуалированной форме делается намек на произведение Х. Такташа «Мукамай». Автор топоним *Сыркыды* заменяет на *Сыркылы*, но и оставляет возможность для понимания того, что он хотел сказать.

Таким образом, язык татарской поэзии первой половины XX века насыщен поэтическими антропонимами и топонимами, которые особенно активно используются в произведениях, написанных после 1920-х годов. Такая тенденция, в первую очередь, связана с тематическими и культурологическими изменениями как в самом литературном процессе, так и в языке художественных текстов. Если в произведениях начала XX века широко использовались антропонимы, основанные на исламской философии и традициях восточной культуры, то с 1920-х годов наблюдается активизация антропонимов тюрко-татарского происхождения и заимствованных антропонимов на основе русской и интернациональной лексики. В антропонимической системе татарской поэзии первой половины XX века доминируют имена собственные, а фамилии и прозвища употребляются только с идейно-тематической установкой того или иного произведения. Как правило, фамилии фигурируют в текстах, посвященных историческим личностям и известным людям. Антропонимы могут входить и в состав идеонимов.

Литературные топонимы в поэтических произведениях в большинстве случаев функционируют в номинативном значении, но в связи с идеей, тематикой произведения и мировоззрением писателя могут выполнять и другие задачи. Наряду с конкретизацией эпохи / времени и места, привнесением дополнительной исторической информации, они используются в целях обогащения образности и в качестве хронотопа и выразительных средств.

Список источников

1. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.azlibnet.az/book/OUKuRAh4.pdf> (дата обращения: 11.02.2019).
2. Дәрдемәнд. Исә жилләр. Шигырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. 256 б.
3. Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Казан: Мәгариф, 2005. 287 б.
4. Такташ Ы. Әсәрләр: 3 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. Т. 1. Шигырьләр һәм поэмалар. 528 б.
5. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III. 1 кис. 536 б.
6. Туфан Х. Әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Т. 1. Шигырьләр, поэмалар. 479 б.
7. Хаков В. Х. Тел – тарих көзгесе (татар әдәби теленең үсеш тарихыннан). Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 295 б.
8. Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. XX гасыр башы татар поэзиясе теленең стилистик үзенчәлекләре (дәрдемәнд әсәрләре мисалында) // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы Международной конференции (г. Казань, 14-17 окт. 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 290-293.
9. Юсупова Н. М. Фольклорные образы-символы в татарской поэзии 1920-1930-х годов // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 222-227.
10. Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф. Суфийская символика в татарской поэзии XIX века // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 230-235.

POETIC ONOMASTICS OF THE TATAR POETRY OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Yusupov Airat Faikovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Yusupova Nurfiya Marsova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Kazan (Volga Region) Federal University
 faikovich@mail.ru

The article is devoted to studying the linguo-stylistic features of the Tatar poetry of the first half of the XX century and to the identification of the style-forming properties of poetic anthroponyms and toponyms in the language of fiction. It reveals literary-aesthetic features and semantics of onomastic units in the language of poetic texts. It is argued that in the anthroponymic system of the Tatar poetry of the first half of the XX century, proper names dominate, and surnames and nicknames are used in close connection with the idea-thematic guideline of a work. As a result of the research, the main functions of poeponyms in poetry are highlighted.

Key words and phrases: anthroponym; toponym; linguo-stylistics; poetic onomastics; poetic anthroponymy; poetic toponymy.